

rocketbook

ПОХИТИТЕЛИ НЕВЕСТ

Старый русский детектив

Роман Добрый

**Похитители невест. Старый
русский детектив (сборник)**

«ЭКСМО»

1876, 1903–1908

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Добрый Р.

Похитители невест. Старый русский детектив (сборник) /
Р. Добрый — «Эксмо», 1876, 1903–1908

ISBN 978-5-04-096663-9

В книгу включены повесть «Три суда, или Убийство во время бала» А.С. Панова – профессионального литератора, трудившегося в судебном ведомстве, и избранные «сыщицкие» рассказы с обязательной интригой, живым динамичным сюжетом Романа Доброго о «русском Шерлоке Холмсе» Иване Дмитриевиче Путилине, расследующем преступления вместе с доктором Z.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-096663-9

© Добрый Р., 1876, 1903–1908
© Эксмо, 1876, 1903–1908

Содержание

Семён Панов	6
Три суда, или Убийство во время бала	6
Часть первая	6
I	6
II	10
III	14
IV Аарон	18
V	22
VI	27
VII	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сборник Похитители невест

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Семён Панов

Три суда, или Убийство во время бала

Часть первая Суд Человеческий

I Бал

Я уже ложился спать, в надежде отдохнуть после нескольких часов усидчивой работы, как кто-то постучался ко мне в дверь.

– Кто там? – спросил я.

– Частный пристав Кокорин! – отозвался голос из другой комнаты.

Удивленный таким поздним появлением лица, с которым я обыкновенно виделся по утрам и только по служебным обязанностям, я предположил, что ему не просто вздумалось побеседовать со мною. Я накинул на плечи халат и отомкнул дверь.

Кокорин вошел с видом человека, сильно озабоченного.

– Уже первый час ночи, – сказал я ему. – Что за причина вашего посещения? И чем могу служить?

– Извините, дело срочное, я являюсь сюда по приказанию полицеймейстера...

– Да прежде скажите, как вы прошли к моей комнате? Я не слышал звонка.

Привычный, по моему званию, к беспрестанным происшествиям, я не горел особенным нетерпением немедленно узнать, в чем дело.

– Слуга ваш забыл запереть двери...

– Понимаю. Прошу садиться. Вы говорите – вас прислал полицеймейстер?

– Он приказал доложить вам об ужасном происшествии. У Русланова на балу убили дочь его, девицу Елену Владимировну...

– Может ли быть? Когда?

– Полчаса назад.

– Убийца задержан?

– Убийца неизвестен. Вас все ждут. Мы и протокола не составляли. Полицеймейстер распорядился, чтобы никого не выпускали из дома до вашего прибытия. Я приказал заложить экипаж.

Пока я одевался, пока секретарь мой собирал в портфель канцелярские принадлежности, частный пристав рассказывал:

– Сегодня у Русланова бал по случаю помолвки его дочери. Гостей собралось много; там теперь весь город и все уезды.

– Дочь Русланова должна была выйти, кажется, за Петровского? – спросил я.

– Так точно. Он там же. В разгаре танцев невеста почувствовала себя дурно и пошла в свою комнату освежиться. Не прошло пяти минут, как раздался крик. Петровский и многие из гостей бросились к ней... Ее нашли на кушетке умирающей...

– Что она: отравлена, задушена?

– Зарезана.

Я пожал плечами.

– И никаких следов?

– Никаких! Сколько я мог понять из слов полицеймейстера, который был на балу, – никаких!

Пришли доложить, что экипаж готов, и мы отправились. Скоро лошади остановились в одной из соседних улиц, около подъезда большого дома, из окон второго этажа которого лился яркий свет. Мы заметили несколько лиц, прислонившихся к стеклам и, вероятно, нетерпеливо ожидавших моего приезда; швейцар отворил двери.

Я поднялся по лестнице, богато изукрашенной и уставленной растениями. Наверху ее стояло несколько мужчин во фраках. Увидав металлические пуговицы моей форменной одежды, один из гостей быстро удалился, но не успел я дойти до бальной залы, как удалившийся возвратился снова под руку с полицеймейстером, полковником Матовым.

Этот последний, пожимая мне руку, сказал:

– Ну, Иван Васильевич, и голову потеряешь! Что за причина: ничего понять нельзя! Во всем городе все тихо и мирно, и вдруг, где же? – на балу – убийство! Среди многочисленного собрания! И концов нет...

– Пока за мной ездил Кокорин, вы ничего не смогли разузнать?

– Ничего.

– А гости не разъезжаются?

– Я просил всех обождать вашего приезда; кто знает, не окажется ли между ними виновного.

Мы шли по зале. Целый рой дам в бальных туалетах мелькал перед моими глазами. Иные ходили взад и вперед; другие сидели или стояли.

Мужчины, густою толпою собравшись в кружок, передавали друг другу свои предположения насчет таинственного происшествия. Музыканты сошли с хоров и чего-то ожидали. На лицах мужчин я видел любопытство, на лицах дам – недоумение и ужас. Ко мне подошли несколько человек мужчин, прося освободить дам от тяжелой необходимости дожидаться составления какого-то акта, до которого им нет дела.

Я соглашался внутренне со справедливостью такого требования. Но, во-первых, мне еще ничего не было известно, и Матов мне ничего не передал о своих распоряжениях, кроме того, что все выходы из дома заняты городскими, а между посетителями могли быть свидетели, показание которых представило бы существенную важность для начала следствия; во-вторых, такое распоряжение входило в состав не моих, а полицейских функций; а потому я попросил адресовавшихся ко мне обратиться к полицеймейстеру. Но этот последний уже ушел за понятиями, без которых, как известно, не совершаются осмотры.

– Где хозяин дома? – спросил я.

Мне ответили, что он, вероятно, возле трупа. Несколько мгновений я и секретарь мой оставались в недоумении, не видя никого, кто бы показал нам, где находится убитая. Один из слуг указал, наконец, дорогу. Проходя через гостиную, я заметил девушку, лежавшую в обмороке на кушетке. Это была одна из ближайших подруг покойной, около нее суетились несколько человек.

Пройдя сквозь ряд комнат, мы дошли, наконец, до запертой двери. Комната, в которой мы находились, была совершенно пуста. Я постучал в двери, но никто не отзывался. Слуга объяснил, что следующая комната есть именно та самая, в которой нашли Русланову убитой. Я повернул дверную ручку.

– Полиция! Боже мой, боже мой! – раздался слабый женский голос. – Зачем тревожат нас в такую минуту!

Это говорила мать убитой.

Бальное платье ее было изорвано и в крови. Она стояла на коленях, прислонившись головою к кушетке. Полнейшее отчаяние выражалось на ее лице. Кушетка помещалась как раз против дверей, в которые я вошел. Комната освещалась слабым светом висячей лампы с розовым колпаком. Вся она была заставлена диванами, креслами и растениями. Направо и налево было по одной запертой двери. Позади кушетки было растворенное окно, выходившее в коридор. На сажень от этого окна в самом коридоре было другое окно, открытое в сад; других окон, выходящих на улицу или во двор, в этой комнате не было, и днем она освещалась через стеклянный потолок.

Я несколько мгновений оставался в недоумении, куда направиться. Мать убитой указала мне головою на правую дверь. Я очутился тогда в коридоре, увешанном портретами и освещенном рядом висячих ламп. Налево, почти в самом конце коридора, я увидел старика, лежавшего в креслах. Руки его были скрещены на груди, а голова свешена вниз. Лицо было покрыто смертельной бледностью; седые волосы спускались на лицо в беспорядке. Перед ним была запертая дверь.

Я слегка коснулся его плеча. Мы были знакомы – это был сам Русланов. Он меня узнал и, приподнявшись с кресел, сказал мне укоряющим голосом:

– Наконец-то вы приехали, господин судебный следователь! Посмотрите, что случилось! Боже мой! Боже мой! Вы должны раскрыть это дело. Не жалейте денег на сыщиков, но непременно раскройте злодеяние! – Он зарыдал и снова опустился в кресла.

Я старался успокоить старика и добиться от него какого-либо практического указания. Русланов только делал угрожающие жесты и клялся отомстить убийцам; к нам подошел полковник Матов, за которым следовали несколько мужчин.

– Вот, – сказал он, – понятые; я играл с ними в карты в кабинете хозяина, когда раздались крики.

– Где убитая? – спросил Матов.

– Вот тут! – показал старик отец, толкнув ногою дверь, перед которою мы стояли.

То была комната его покойной дочери. У образов горела лампада. Мебель была в беспорядке. За столом сидел городской врач, подле которого стояли две горничные. Мне указали на ширмы.

– Умерла? – спросил я.

Врач сделал утвердительный жест.

На постели за ширмами лежал труп, накрытый простынею.

Русланов удалился, рыдая.

Я приступил вместе с доктором к судебно-медицинскому осмотру тела. С трудом я узнал лицо Елены Владимировны. От ее прежней красоты остались лишь необычайной длины белокурые волосы, которые, бывало, волнами и кольцами падали на ее мраморные плечи. Лицо и шея были залиты кровью. Кровь смыли. Отвратительная рана зияла на шее. Края прореза, вершка в три длину, были узки. По-видимому, она была зарезана острым ножом. Кроме того, правая бровь ее была наполовину отрезана.

Доктор заключил, что Русланова умерла от перереза сонной артерии. Мне объяснили, что когда прибежали на крик покойной, то ее нашли на той самой кушетке, у которой я застал ее мать. Когда она испустила последнее дыхание, ее перенесли в спальню.

Пока мой секретарь занялся перепискою набело акта, я расспрашивал о подробностях происшествия; тщетно полковник Матов до меня уже старался что-нибудь разведать. Я не был счастливее его. На первоначальные расспросы мои никто ничего не мог разъяснить: никто из гостей ничего не знал. Кто играл в карты, кто танцевал, кто разговаривал: вдруг все услышали крик и толпою бросились по направлению, откуда он исходил. В комнату, в которой нашли умирающую, разом кинулось много народу из трех дверей. Елена Владимировна лежала на кушетке уже в предсмертной агонии и не могла произнести ни одного слова.

Мне оставалось исследовать комнату, в которой разыгралась кровавая сцена. Туда же я велел принести одежду и обувь, которые были на покойной; они, впрочем, не представляли ничего полезного для разьяснения дела; платье было в крови – иначе и быть не могло. Я поручил секретарю опечатать вещи. На мой вопрос, не было ли на покойной каких-либо драгоценностей, мне ответили, что на ней был бриллиантовый убор, который находится в ее комнате. Его немедленно тоже принесли по моему требованию. Убор состоял из бриллиантовой брошки, серег, ожерелья и звездочки. Меня удостоверили, что только эти вещи были на покойной, что все они налицо и что ничего не было похищено убийцей. Не видя среди окружавших меня лиц жениха, я спросил, где находится господин Петровский, не может ли он разьяснить что-нибудь?

Его разыскали. Это был высокий плотный мужчина, белокурый, лет тридцати от роду. Мужественная осанка не гармонировала с растерянным выражением его лица. Я ухватился за него, как кормчий за руль. Но руль оказался не слишком надежный. Под влиянием сильного волнения Петровский ничего ясно не помнил. Он с кем-то вальсировал, когда крик невесты заставил его броситься к ней на помощь. Выходил ли кто из комнаты, где совершено убийство, когда он в нее прибежал, он не заметил. До моего прибытия он ходил по всему дому, осматривал все углы – нет ли кого спрятавшегося, всматривался в лица, думая по их выражению угадать преступника.

– Было ли это окно растворено? – спросил я, указывая на окно, находившееся позади кушетки.

– Да, оно было открыто, да и никогда вообще не закрывалось; по цветам и статуям, которые на нем стоят, вы видите, что, не снимая их, закрыть окна невозможно, – ответил Петровский.

– А в коридоре за окном вы никого не заметили?

– Нет.

– А другое окно, из коридора в сад, тоже было открыто?

– Оно открывалось по временам с самого начала бала, для освежения воздуха.

Осмотрев тщательно всю комнату, я ничего не мог найти, никакого «вещественного доказательства». Только одна статуя на окне была разбита. Никто не мог объяснить, кто ее разбил. Статуя эта изображала Дон Кихота, рассказывающего о своих подвигах. Многие из гостей удостоверили, однако, что при начале вечера статуя была цела и оказалась разбитой лишь тогда, когда нашли Русланову умирающей. Нашлось несколько человек, которые утверждали, что спустя мгновение после крика они слышали, как что-то застучало, как бы падая. Но звук этот скорее был похож на удар бревна, свалившегося с крыши на мостовую, чем на падение небольшой гипсовой статуэтки. Музыка помешала многим услышать этот шум. Что бы мог означать этот непонятный звук?

Корнет Норбах объяснил мне, что он танцевал с Руслановой вальс, когда она сказала, что у нее закружилась голова, и ушла из залы. Через минуту после того она закричала. Он тоже побежал к ней и застал ее уже на руках жениха, окруженную густою толпой. Ей многие предлагали вопросы, но она не могла отвечать. Ему показалось, однако, что она головою указывала на окно. Сопоставляя этот рассказ Норбаха с известием о слышанном шуме, я попросил Матова пойти осмотреть сад.

Сам я отправился в левые двери. За ними начинался новый ряд комнат. Но и в них я ничего особенного не нашел.

Гости не разъезжались теперь уже просто из любопытства. Я воспользовался этим, чтобы попросить их занять те места и положения, в которых они находились, когда раздался крик. Я сделал это для того, чтобы сообразить, по возможности, насколько можно было каждому следить за происходившим; наконец и для того, чтобы определить, кто из гостей мог заметить, когда и куда проходило то лицо, которое впоследствии могло бы оказаться убийцей. Многие

довольно неохотно исполнили мое требование. Однако скоро каждый занял свое место. Музыканты взошли на хоры. Молодые люди стали среди залы, в которой они танцевали; пожилые дамы и мужчины уселись за оставленные ими карточные столы.

Сам хозяин стал в зале у входной двери в той самой позе, в которой он прежде наблюдал за весельем своих гостей. Прислуга заняла буфеты и столовые.

Оказалось, что в коридорах и комнатах, непосредственно прилегающих к покою, в котором умерла Русланова, никого не было в тот момент, когда раздался крик. Только в комнате, соседней с той, в которой был мною осмотрен труп, поправляла свой туалет девица Анна Боброва – та самая подруга покойной, которую я видел в обмороке.

Через час я обошел весь дом, в котором было до 50 комнат, и секретарь отмечал, по моему указанию, имена, фамилии и род занятий каждого из присутствующих.

В половине третьего мы кончили нашу работу. Русланова умерла в двенадцать часов пятнадцать минут ночи.

Затем я объявил, что не встречаю надобности в присутствии гостей. Но почти никто не уезжал, дожидаясь, не откроется ли чего-либо важного.

Полковник Матов между тем вернулся и сказал мне, что у того самого окна, которое выходило из коридора, стояла, по словам прислуги, лестница, которая там всегда находилась на случай пожара. Теперь он нашел эту лестницу лежащую на земле под тем же самым окном. Я сам отправился в сад. Действительно, лестница лежала в том положении, как говорил полицеймейстер. По всей вероятности, ее падение произвело тот шум, который многие слышали. Судя по некоторым смятым железным листам на подоконниках во втором этаже, можно было дать еще более веры этому предположению. Лестница, падая, могла задеть их своим верхним концом. При свете фонарей мы разглядели на снегу свежие следы от сапог одного человека, по-видимому, недавно прошедшего от того места, где упиралась в землю лестница. Следы шли через сад к забору. Кое-где возле них виднелись капли крови. По другую сторону забора, на улице, они совершенно терялись в массе других следов.

Я вернулся в дом, чтобы узнать, не было ли в числе гостей архитектора, и, отыскав его, просил составить план дома. Он обещался доставить его мне на следующий день.

Гости стали разъезжаться, но между ними не было того веселого говора, с которым обыкновенно расстаются после бала.

Признаюсь, пробуждаясь не раз от тревожного сна, в котором я провел остаток ночи, я думал: не было ли все случившееся плодом сновидения, так необычайно казалось мне совершенное преступление.

II Диадема

Следующий день принес с собою раскрытие новых обстоятельств, которые на балу не были обнаружены.

Падение лестницы давало повод предположить, что ее мог уронить сходящий по ней человек. Кто же другой мог быть этот человек, как не убийца Руслановой? Но вот задача: был ли он в доме Русланова до совершения им преступления, или же он вошел из сада по лестнице, убил Елену Владимировну и затем ушел тем же путем? Узнать это было чрезвычайно важно. Следы крови в саду давали основание предполагать, что бежавший преступник ранил себя, падая вместе с лестницею. Еще накануне словесные расспросы привели меня к убеждению, что никто из посетителей не уезжал с бала до моего приезда, и все были задержаны по распоряжению Матова. Но нельзя было поручиться, чтобы кто-нибудь не скрылся через окно, тем более что посторонний человек, который бы взобрался по лестнице, должен был бы знать наперед,

что он найдет свою жертву именно в той комнате, которая сообщалась окном с коридором. Я был более склонен верить, что убийца находился на балу до совершения преступления.

С десяти часов утра квартира моя начала наполняться людьми, призванными к допросу. Хотя показания их уже были мне большей частью известны, но предстояло все-таки допросить их обо всем формально. Я принужден был ограничиться этими расспросами, пока сыщики и полиция не представят каких-либо новых данных.

Удивительнее и загадочнее всего явилось то обстоятельство, что убийца ничего не похитил; а потому невозможно было догадаться, что могло быть причиной убийства.

Я уже приступил к допросам, когда мне доложили о приезде Русланова.

Я велел его просить.

Старик вошел ко мне не с тем видом, какой он имел накануне. Он вошел тихо, едва передвигая ногами. Седые волосы его как будто еще более посеребрились за ночь. Он показался мне постаревшим лет на десять.

Я встал со своего места, чтобы помочь ему дойти до кресла, и хотел сказать несколько успокоительных слов, но старик залился слезами.

Долго пришлось мне его успокаивать.

Я боялся, чтобы с ним что-нибудь не случилось. Однако, выпив стакан воды, он немного оправился. Тогда я спросил его, что он имеет передать мне?

– Я бессильный, слабый старик, – тихо проговорил он, – на что мне теперь мое богатство? С кем мне им делиться? Кому оставлю я свое состояние?..

Он вновь заплакал.

– Вы имели что-то сказать мне, если не ошибаюсь?

– Да! Вот, я уже и забыл, зачем пришел сюда, хотя имел что-то важное передать вам.

– Не можете ли вы указать мне на какие-нибудь следы... на какую-нибудь вашу догадку? Не имеете ли вы какого-либо подозрения? Чем объясняете вы себе совершившееся преступление, если поводом к нему не была кража?

– Да, вот за этим именно я и пришел сюда. Я сначала думал, как и вы, кажется, полагаете, что кражи никакой не совершено. Но... – при этих словах он от волнения остановился.

– Но? – настаивал я.

– Мерзавцы похитили диадему и для того только, чтобы скрыть свою кражу, лишили меня дочери...

– Какую диадему? Вчера мне показывали весь бриллиантовый убор, который был на вашей дочери.

– Вам показали не все, не все! Вчера этого не заметили. Сегодня обнаружилось, что недостает бриллиантовой диадемы, которую, кроме звезды, была украшена ее голова.

Это известие разбило все мои предположения. Или, вернее, оно еще более усложнило дело, хотя и подавало надежду, что впоследствии, с отысканием бриллиантов, мог быть разыскан и убийца.

– Но уверены ли вы, – спросил я, – что диадема была похищена до смерти Елены Владимировны? Не воспользовался ли кто-нибудь, например из прислуги, общим смущением, чтобы похитить драгоценную вещь и затем свалить кражу на убийцу?

– Нет, я за прислугу свою ручаюсь. Все мои люди служат у меня очень давно, и всех их я хорошо знаю.

– Но поручитесь ли вы также за всех ваших гостей? У вас было так много званных, что не мудрено, если вы их не всех одинаково знаете.

– Может быть. Конечно, за всех ручаться нельзя, хотя, правду вам сказать, мне как-то не верится, чтобы кому-нибудь пришла на ум кража в тот самый момент, когда несчастную умирающую дочь мою переносили в ее комнату.

– Я и сам скорее склонен предположить, что диадема похищена убийцей, однако нельзя задаваться этой мыслью. С предвзятой идеей легко ошибиться. Но вам нужен отдых. Если вам более передать мне нечего, я потороплюсь записать ваше показание, чтобы вас не задерживать.

Секретарь и Русланов подписали показание. Старик до того был убит несчастием, что едва мог встать с места и без посторонней помощи вряд ли дошел бы до своего экипажа. Я принялся было допрашивать одного из вчерашних гостей, как приехал полицеймейстер и сказал мне, что должен сообщить о важном открытии. Мы заперлись вдвоем в кабинете.

– В чем дело? – спросил я.

– Кокорин, – сказал полицеймейстер, – удивительно находчив и расторопен. Он с раннего утра осматривал весь сад; необыкновенно искусно снял слепок со следов и, осматривая лестницу, нашел небольшой кусок коричневого сукна, по-видимому, от сюртука или от пиджака, с куском шелковой подкладки, застрявшей в одной из трещин лестницы...

– Где этот лоскут?

– Сам я его еще не видал, а еду смотреть его. Кокорин распорядился поставить часового у лестницы, чтобы лоскут не исчез.

Я отправился в сад Русланова вместе с полицеймейстером, где мне указали на этот кусок сукна, застрявший в небольшом расщепе правой стороны деревянной лестницы. Кусок был треугольный и, по-видимому, должен был оторваться от платья человека, лазившего по лестнице. Я, впрочем, несколько недоверчиво отнесся к этому новому открытию.

– Как же, – спросил я, – мы этого не заметили вчера? Мы были здесь с фонарями.

– Сам я этому удивляюсь, – возразил Кокорин, – но такие ли промахи случаются при осмотрах? Заодно, однако, я поручусь, что никто не мог с целью отвода глаз вложить эту тряпку на то место, где вы ее видите, потому что всю ночь были в саду мои караульные.

– Возьмите же этот лоскут. Ваше дело отыскать теперь то платье, от которого он оторван.

– Если только оно не увезено из нашего города, я вам его представлю.

– О диадеме вы слышали?

– Как же. Она состояла из тридцати шести бриллиантов, величиною с горошину каждый. За нее заплачено двадцать пять тысяч. Куплена она была в Петербурге, где можно найти модель, по которой ее делали.

– У кого?

– Еще не знаю. Но сегодня же сообщу вам об этом со всеми подробностями.

Мы принялись еще раз осматривать самым тщательным образом местность под окнами и по всему пути, по которому шли следы вчерашнего беглеца. Один из понятых указал на одно место в снегу, на расстоянии двух аршин от дома и как раз под окном, – место, которое еще накануне заметили. Мы увидели, что здесь снег был как бы вдавлен на пространстве вершков около двух, будто тут прежде лежало какое-то круглое тело. Шагах в двух от этого места был другой след, как бы от небольшого продолговатого тела, там прежде лежавшего. Мы все заключили, что если бы бросить в снег сложенный садовый нож, то получился бы подобный отпечаток. Я распорядился, чтобы принесли лопаты. Снег стали разгребать и рассматривать самым тщательным образом. После некоторого времени поиски наши увенчались успехом. Кокорин, который всюду поспевал первым, разглядел своим ястребиным глазом какой-то небольшой шарик. Он его поднял и очистил от снега. У понятых вырвалось восклицание – это был бриллиант. Я его тотчас же показал Руслановым. Они признали его за один из тех тридцати шести камней, из которых была составлена исчезнувшая диадема.

Проходя по комнатам, мы миновали ту, в которой служили панихиду. Не время было предаваться горестным впечатлениям, когда было нужно полнейшее хладнокровие. В кабинете хозяина я нашел архитектора, заканчивавшего план дома. Я дождался минут пять окончания работы и взял с собою переданный им сверток бумаги.

Дома я застал человек тридцать, из бывших накануне у Русланова гостей, явившихся по моему вызову. Я начал снимать формальные допросы и предъявлял всем найденный бриллиант. Из дам очень многие узнали его. Драгоценный головной убор был так редок, что на него все обратили внимание во время бала, а потому неудивительно, что камень мог быть узнан.

Приемная моя все более и более наполнялась свидетелями; я боялся, что не успею до восьми часов вечера их допросить, а к тому времени я ожидал Кокорина.

Я поручил четырем кандидатам на судебные должности, бывшим в моем распоряжении, записывать показания. Вся квартира моя преобразилась в канцелярию. Во всех комнатах производились допросы. Результат их можно было предвидеть. Никто ничего не знал, и никого заподозрить свидетели не могли. Окно в сад, как показала прислуга, было открыто лишь за пять или за десять минут до убийства для освежения воздуха в коридоре, в который выходили в промежутки между танцами. Я долгое время расспрашивал бывшего жениха. Петровский ровно ничего объяснить не мог. Он только делал догадки о том, как мог войти и уйти убийца, но этого я от него и не добивался. Одно только он сообщил, что могло иметь впоследствии некоторую важность при розыске диадемы. Убор этот был куплен им у петербургского ювелира Фаберже¹ по поручению отца невесты.

В том же магазине должна была храниться и его модель. Вообще он был так взволнован и растерян, что не мог с ясностью говорить о многих подробностях, на которых я настаивал. Последним велел я ввести корнета Норбаха. Этот, наоборот, очень ясно припоминал все, происходившее накануне, и настаивал на том, что Елена Русланова в предсмертной агонии движением головы указывала на окно. Конечно, это было очень вероятно, особенно при сопоставлении с упавшею лестницею и с найденным бриллиантом. Его замечания подтвердили и некоторые другие лица. К несчастью, в момент смерти Елены Руслановой никто не догадался, что означали ее жесты, а потому убийца мог свободно скрыться. За Норбахом я пригласил к допросу Анну Дмитриевну Боброву, ближайшую подругу покойной Руслановой.

Появление Анны Дмитриевны произвело впечатление на всех присутствующих. Внезапная смерть подруги заметно на нее подействовала... Прекрасное лицо ее выражало сильное внутреннее волнение.

В противоположность белокурой Руслановой, Боброва была типом прекрасной брюнетки. Черные глубокие глаза ее были задумчивы, лицо бледно. Она была, видимо, взволнована. Войдя в комнату, она приподняла закрывавшую ее лицо вуалетку, как-то бессознательно подошла к зеркалу, сняла шляпку и поправила рукою свои роскошные волосы; я ожидал, пока она успокоится, чтобы начать допрос.

– Извините меня, господин следователь, – сказала она, остановившись передо мною, – я так взволнована, что сама не знаю, что делаю.

Я просил ее сообщить мне все подробности о вчерашнем происшествии, которые ей известны. Слеза покатила по ее правой щеке. Она глядела на меня пристально и молчала.

Я тоже смотрел на нее молча, улавливая движения губ. Но они не шевелились.

– Вы, кажется, были ближе всех к той комнате, в которой совершилось преступление? – спросил я.

– Да, я была в уборной, но до того перепугана вчерашним происшествием, что ничего не помню; мне кажется, что я теряю рассудок. Из того, что случилось, я ничего не могу объяснить себе. Припоминаю ужасный крик Елены... Потом, мне кажется, что я видела, как толпа засуетилась, как бросились все в ту комнату, где совершилось преступление... Я тоже пошла за другими, непонятный ужас сдавил мне грудь, и я лишилась чувств...

¹ Речь идет о Петре-Карле Фаберже (1846–1920), который с 1870 года возглавил знаменитую ювелирную фирму «Фаберже», славящуюся своими изделиями из золота и серебра с драгоценными камнями.

Боброва опять замолчала... Слезы обильно текли по ее прекрасному лицу... Изредка на нем я улавливал судорожные движения. Тщетно старался я угадать ее мысли. Она беспрестанно менялась в лице: то строгий взгляд, то как будто насмешливый, и не могу скрыть, что иногда в глазах ее, мне казалось, проглядывало кокетливое выражение. Главным оттенком в выражении ее лица, покрывавшим все другие, была все-таки глубокая печаль.

– Сегодня я не могу дать вам никакого другого объяснения. Я слишком расстроена. Позвольте мне приехать завтра; я приеду в тот час, который вы назначите.

Анна Дмитриевна опять заплакала, и я проводил ее до дверей.

Эта сцена до того взволновала меня, что я не мог уже спокойно допрашивать остальных свидетелей. Грустный, переменчивый, но чудный взор Бобровой постоянно всплывал в моей памяти.

Впрочем, моя механическая работа длилась еще долго: вопросы об имени, о летах и уже в двадцатый или тридцатый раз – все о том же бале.

Часу в восьмом я, наконец, отпустил последнего свидетеля и собрал все протоколы, записанные мною и моими помощниками. Их было всего семьдесят два. Все они ровно ничего не разъясняли.

А между тем приехали ко мне прокурор, полицеймейстер и знаменитый своими полицейскими талантами частный пристав Кокорин.

Ш

Неудачные розыски

Мы развернули перед собою план дома и сада Русланова, наскоро составленный архитектором, на котором, однако, все до мельчайшей подробности было означено с точностью. Кокорин дополнил план, отметив на нем пограничные улицы, и передал мне список всех окрестных домов и жителей.

Полицейские чиновники еще ничего не успели разведать, и мы собрались лишь с целью условиться о наших дальнейших действиях. Мы передали друг другу все, что нам было известно.

Затем мы отметили на плане точками те места в разных комнатах, которые были заняты гостями, и оставили белыми те, в которых никого не было в момент катастрофы. Кокорин придавал большое значение оставшимся на снегу следам; он беспрестанно вертел в руках и рассматривал со всех сторон сделанный им со следов гипсовый слепок.

– Я считаю необходимым предъявить его экспертам, – сказал прокурор, – может быть, они будут в состоянии определить по ним сапожника, делавшего сапоги, и мы узнаем тогда, кому они были проданы.

– Я предвидел необходимость этой экспертизы и, не ожидая приказа, привез сюда двух опытных сапожников, главных мастеров нашего города, – заметил Кокорин.

– Введите их, – сказал я.

Я узнал в двух вошедших в мой кабинет лицах действительно двух лучших сапожников города и предложил им рассмотреть слепок. На первых порах они оба не могли прийти к какому-нибудь заключению и попросили позволения послать за своими подмастерьями. Я попросил их удалиться тогда в особую комнату.

– Относительно этого лоскута, – сказал я, – мне кажется, нет сомнения, что он принадлежал пиджаку или сюртуку человека достаточного, судя по шелковой подкладке и по качеству сукна. Но этот лоскут может иметь значение вещественного доказательства только в том случае, если будет доказано, что он оставлен преступником.

– Что он принадлежит убийце – в этом я не сомневаюсь, – вмешался Кокорин.

– Почему?

– Потому что лоскут этот не мокрый, а сухой. До вчерашнего вечера двое суток шел снег и была оттепель; лестница вся мокрая. Лоскут же этот найден на ней совершенно сухим – доказательство, что только часа три или четыре прошло с момента, как он оторвался от платья, до того, как был найден.

Мы согласились, что это предположение очень основательно, и не могли не отдать должной справедливости вниманию, с которым пристав относился к делу. Он продолжал высказывать свои соображения:

– Находка бриллианта доказывает, что убийца, торопясь слезть, неловким движением сбил лестницу и, падая, выронил из рук диадему, которая опустилась в снег выпуклою стороною. Диадема и оставила те следы, которые нам были указаны понятиями. Тут же вблизи был след ножа. Вероятно, убийца выронил и нож – тот самый нож, которым он нанес смертельную рану. Падая, преступник поранил себя. Вот отчего остались по следам его капли крови, которые видны и на заборе. Забор я исследовал очень внимательно и нашел на нем ясные следы десяти пальцев, оставшиеся вследствие усилий, употребленных, чтобы вскарабкаться наверх. На следах этих – кровь. Из этого я заключаю, что убийца ранил себе руку...

– Вы очень скоро делаете ваши заключения, – заметил полицеймейстер.

По моему настоянию Кокорину была дана возможность сказать о деле все, что он думает, так как он уже не раз доказывал быстроту своего соображения и смелливость. Его двадцатилетняя практика в большом торговом губернском городе, в котором живет и движется большое население и случается много происшествий, изошрила его в ремесле сыщика.

– Значит, вы полагаете, – сказал прокурор, – что сам убийца поднял диадему и нож до своего побега?

– Непременно. Ясное дело, что грабеж был целью убийства. Он убил, ограбил и убежал...

– Где же он был до совершения убийства? Предполагаете ли вы, что он прятался в доме Русланова?

– Против этого предположения я протестую, – сказал я, – он не мог быть в доме до убийства по двум причинам. Первая та, что он не мог остаться незамеченным кем-либо из гостей или многочисленной прислугой. Вторая та, что все положительно удостоверили, от первого до последнего из присутствовавших в доме, – все были во фраках или военных мундирах. Это сукно слишком тонко для осеннего платья. Явись кто-нибудь в дом в пиджаке, визитке или в сюртуке из коричневого сукна – его бы все заметили. Я скорее соглашусь допустить, что кто-нибудь из бывших на балу убил и спустился по лестнице, – и тогда лоскут этот не имеет значения...

– Извините, если я не соглашусь с вами, – сказал Кокорин, – я утверждаю, что убийца непременно был в доме Русланова до убийства и был одет в коричневый сюртук.

– Почему же вы так полагаете?

– Очень просто. В саду только один след – от лестницы к забору. Других следов не существует. В саду этом осенью никто не ходит. Все калитки в нем заперты и заколочены.

– Так неужели же он был в цветном пиджаке на балу, и его никто не заметил?

– Нет, он мог спуститься по лестнице с чердака или с крыши, войти в окно и, сделав свое дело, бежать через сад. А как он попал на чердак или на крышу – этого уж я не знаю. Он мог до бала, никем не замеченный, подняться по черной лестнице на чердак и с чердака через слуховое окно выйти на крышу. Или он мог подняться на крышу прямо с улицы каким бы то ни было образом, всего ведь два этажа. Подобные вещи бывают. Помните дело о краже серебра у предводителя дворянства? Вор сознался, что он влез на крышу по громоотводу, а оттуда через слуховое окно перелез на чердак.

Я взглянул в акт осмотра и убедился в верности соображений Кокорина. Моей рукой было записано в акте, что «в саду были замечены только одни следы, обращенные носками от лестницы к забору».

– Одно меня сбивает с толку, – продолжал частный пристав, – убийца должен быть необыкновенный силач, привычный к путешествиям даже по громоотводам, и, следовательно, должен быть из простого звания, а между тем лоскут, оторвавшийся от его платья, имеет шелковую подкладку.

В это время в комнату вошли эксперты с их подмастерьями.

– Какое же ваше заключение? – спросил я.

– Сапоги, от которых остались следы, сшиты не у нас, даже не в здешнем городе, – сказал один из них.

– И вы все этого мнения?

– Все. Судя по слепку, это должны быть сапоги самой тонкой работы. Высокие скошенные каблуки, очень узкий объем окружности сапога, с узким носком и вогнутой подошвой, так шьют только бальные лаковые сапоги. Мы же делаем сапоги и ботинки все с круглыми носками.

– Вы полагаете, что это след сапога, а не мужского ботинка?

– Сапога. Работа, должно быть, московская. Здесь мы таких сапог не делаем, потому что люди богатые нам их не заказывают, а выписывают все более из Москвы.

Я составил протокол экспертизы и отпустил сапожников.

– Как же это ваш простолюдник гуляет в лаковых сапогах? – спросил полицеймейстер у Кокорина.

– Точно так же, как он ходит в пиджаке с шелковой подкладкой! Впрочем, это все одни догадки.

– Прошу вас не дожидаться письменного приказа для производства розысков, – сказал я Кокорину. – Вы знаете, что нужно делать. Нужно отыскать, во-первых, тот сюртук, от которого оторван лоскуток сукна, и узнать, кто его надевал вчера вечером или кому он принадлежит. Во-вторых, нужно разыскать бриллианты, если они не увезены из нашего города.

– Если эти вещи здесь – они в скором времени будут мною вам представлены.

Кокорин вышел.

Я напомнил тогда полицеймейстеру о необходимости следить за всеми уезжающими из города.

– Еще ночью сделаны мною все необходимые распоряжения, – отвечал мне полковник Матов. – За ловкость и расторопность тех людей, которым я поручил исполнение этого дела, я ручаюсь.

Мы простились.

Оставшись вдвоем с прокурором, мы долго еще беседовали об этом деле. Более всего удивляло нас, что из всех посетителей Русланова никто ничего не заметил, тогда как очень многие были только через комнату от того помещения, в котором умерла Елена Владимировна. Убийце надо было войти в окно с лестницы, пройти всю ширину коридора и через открытое во внутреннюю комнату окно нанести удар сидевшей на кушетке Руслановой. Когда она вскрикнула, ему надо было успеть сорвать с ее головы диадему и тем же путем уйти! И это совершенно во время бала, когда весь дом был полон народа, и никто ничего не заметил!

Мы терялись во всевозможных предположениях, но ни на одном из них не могли остановиться.

– Подождем, что покажут розыски, – сказал мне, наконец, прокурор. – Не может быть, чтобы мы не попали на какой-нибудь след. Будем терпеливы.

Мы расстались.

Первой моей заботой на следующее утро было осмотреть чердаки, крышу и громоотвод в доме Руслановых. Но самый тщательный осмотр не привел ни к каким результатам. Чердак никогда не запирался, но на него редко входили.

Немудрено, отзывались все домашние, если бы кто прошел туда незамеченным и пробыл там хоть двое суток, спрятавшись за сложенной в груду сломанной мебелью. Признаков

каких бы то ни было следов не было ни на крыше, ни на чердаке. Дом имел с двух сторон подъезды, навесы которых были очень невысокими. Могло быть верным и предположение Кокорина: убийце легко было взобраться на крышу при помощи этих навесов и громоотвода, тем более что дом угловой и выходит на две улицы.

Возвращаясь домой пешком, я встретил отставного майора Боброва. Я его знал очень мало, встречаясь с ним только в клубе и в других собраниях.

– Здравствуйте! Вы, кажется, не были третьего дня у Русланова? – спросил я у него.

– Да, не был, я ездил в свое имение. Скажите, пожалуйста, что за странное происшествие? Трудно поверить даже тому, что рассказывают.

– К несчастью, убийство действительно совершилось. Слух об этом разнесся уже по всему городу и, наверное, достиг даже Петербурга. Но, извините, мне некогда, тороплюсь. До свидания!

– Да расскажите по крайней мере, в чем дело. Я сейчас из деревни и ничего положительного не знаю.

– Некогда. До свидания!

Но Бобров настаивал, схватил меня под руку и пошел со мною.

– У меня в доме тоже случилось престранное происшествие. Три дня назад у меня похитили одну вещь. Сегодня приезжаю, похищенная вещь на своем месте!

– Значит, ее вовсе не похищали. Видно, вы сами или кто другой из домашних переставил или переложил эту вещь на другое место – вот и все.

– Да нет, вовсе нет! Престранное происшествие.

– Что же именно у вас было похищено и возвращено таким необыкновенным образом?

– Ну, что бы вы думали? Деньги?

– Ничего я не думаю. Вот мой подъезд.

– Нет, слушайте только: у меня была похищена бритва!

– Как бритва?

– Да так. Третьего дня утром, собираясь в имение за 30 верст, я хотел взять с собой бритвы. У меня их две штуки в одном футляре. Одну я отдал править еще на прошлой неделе, другую оставил в футляре. Открываю ящик, беру футляр – он пуст. Что за оказия! Рылся, рылся: нигде не мог найти. Так и уехал без бритвы. Сегодня приезжаю назад – бритва на своем месте.

Мне начинала надоедать такая болтовня. Я сказал Боброву:

– Ну, что же тут удивительного? Вероятно, лакей ваш брал бритву, чтобы побриться, и затем положил ее на место.

– Он никогда ничего не трогает, да у него и свои есть. У моего подъезда стояло много экипажей.

Видя, что меня ожидают, я торопился проститься с Бобровым. Приемная моя была наполнена мужчинами и дамами. Все просили отпустить их скорее.

Всю остальную часть дня я провел в допросах.

Вечером прибыл Кокорин. Он мне передал, что сделаны нужные распоряжения. Между прочим, всем портным было секретным образом приказано немедленно дать знать, если кто принесет к ним для починки коричневое платье с оторванным куском от полы. Тут же мне была подана телеграмма, которую петербургская полиция извещала меня, что модель диадемы находится действительно у ювелира Фаберже и будет препровождена ко мне по почте. Утомленный расспросами, я простился с Кокориным и лег спать.

Дня через два мною были окончены допросы гостей Русланова и всех живущих в его доме. Расспросы не привели к новым открытиям, а только подтвердили то же самое, что мне было известно и в самую ночь убийства.

Полицейские чиновники ежедневно приходили ко мне, но, увы, при всем своем усердии они не могли обнаружить ни одного нового факта.

Слухи в губернском городе распространяются с быстротою молнии и, обыкновенно, с тысячами видоизменений. Когда мною была получена модель диадемы, не знаю каким образом, но все немедленно заговорили об этом. И у меня дома, и на улице, и в гостях, и в клубе ко мне приставали с вопросами: «Правда ли, что нашли диадему? У кого она найдена? Кто убийца? Говорят, его поймали на варшавской железной дороге в то самое время, как он хотел скрыться за границу?»

Мне до того надоели все эти расспросы, что я заперся у себя дома и никуда не выходил.

День проходил за днем, а дело ни на шаг не подвигалось. Ни следственные осмотры, ни допросы, ни полицейские разведывания и розыски – ничего не помогало. Кокорин все так же ежедневно приходил ко мне, но уже все предположения его были высказаны, обдуманы и пересужены. Воображение его все рисовало ему где-то скрывающегося убийцу с порезанной рукой. Но напрасно расспрашивал он докторов и аптекарей, ни от кого для раненой руки за помощью не присылали. А между тем как наши усилия оставались тщетными, между тем как я, к ужасу моему, уже предвидел, что дело об убийстве Руслановой будет присоединено к числу неразъясненных уголовных процессов, печать далеко разнесла известие о таинственном событии 20-го октября. И в русских, и даже в иностранных газетах появились статьи под заглавиями: «Необыкновенное убийство», «Трагедия на балу», «Адский бал» и т. п. Некоторые газеты постоянно возвращались к этому событию, иронически отзываясь о деятельности наших судебных чинов и полиции, и не упускали заметить, что только в русском губернском городе и могло случиться такое чудо, как убийство на балу, на котором присутствовало несколько сот человек.

Действительно, всего мною было допрошено 222 лица.

Мне уже делали намеки о бездарности следственных чиновников. Конечно, эти намеки меня мало беспокоили, я более всего опасался неуспеха как криминалист, как судебный следователь, боясь, что убийца ускользнет из рук правосудия; но я был уверен, что делу дано энергическое движение и что, рано или поздно, должен блеснуть луч света. Бриллианты, без сомнения, были увезены из города. Сбыть их можно было бы лишь далеко от места убийства и притом не иначе как в большом городе, а потому одесская, московская и петербургская полиция по моим сообщениям зорко следили за бриллиантами. Кроме того, я сообщил о том же во все губернские правления для передачи полицейским чиновникам.

Старик Русланов часто навещал меня, горя нетерпением узнать что-либо об убийстве дочери. Неудача следствия приводила его в раздражение, и он не скупился на укоры.

– Ну что же делать? – спрашивал я у него. – Что бы вы сделали на моем месте? Посоветуйте, научите меня...

– Это уже ваше дело! На то вы и курс слушаете в университетах, на то вы следователь, чтобы раскрывать преступления. Возможно ли, чтобы такое вопиющее дело оставалось нераскрытым?

Так рассуждал не один убитый горем старик Русланов. Так рассуждали и другие, которые сами не испытали, что значит производить следствие при отсутствии всяких указаний на виновных.

Я переносил терпеливо упреки, ожидая всего от времени.

IV Аарон

Прошло пару недель, в течение которых возникало несколько серьезных следственных дел, большей частью успешно мною оконченных. Не то было с руслановским делом. Оно оставалось все на той же точке. Исчерпав все усилия в напрасных розысках, Кокорин наконец заключил, что виновного не могло быть ни в нашем городе, ни даже в нашей губернии. Обсто-

яательства дела приобрели слишком большую известность, чтобы убийца мог рисковать оставаться так близко от места преступления. Из других мест не получалось никаких известий о результатах розысков.

В один вечер в конце января, то есть по истечении трех месяцев после убийства, я собирался уже писать постановление о представлении дела через прокурорский надзор в суд для прекращения следствия впредь до открытия виновного, как приехал ко мне в гости доктор Тархов, – тот самый, который исследовал труп убитой Руслановой.

– Как дела? – спросил он, садясь подле меня. – И в особенности как идет дело о покойной Елене Владимировне?

– Все идет порядком, кроме дела Руслановой. Я до сих пор знаю о нем то же, что и вы, что она убита острым ножом, прорезавшим ей сонную артерию. И более ничего.

– И более ничего?

– Что делать? Я не всеведущ.

– Но ведь ходили еще какие-то слухи о лестнице, об оторванном лоскуте от платья... Неужели нельзя было наткнуться на какие-нибудь дальнейшие указания?

– Ничего более не знаем. Могу сказать вам, пожалуй, что не подлежит сомнению, что убийца перед балом спрятался в доме Русланова, вероятно, на чердаке; что вышел через слуховое окно на крышу, спустился по лестнице, вошел в окно, так некстати оказавшееся раскрытым в октябре месяце, затем зарезал Русланову, похитил диадему и скрылся. Спускаясь по лестнице, он уронил диадему, и нож и упал вместе с лестницей. Вероятно, поранившись ножом, он успел, однако, поднять эти вещи и перелезть через забор. В моих руках лишь одно вещественное доказательство – лоскут сюртука, оставшийся на лестнице. Ищем, кому он принадлежит.

– Ну, а бриллианты?

– Бриллианты не найдены.

– Нельзя ли видеть модель диадемы?

– Отчего же! Вот она в этом шкафу.

Я принес модель и указал Тархову на тридцать пять искусственных камней и найденный в саду настоящий, который как раз приходился в серебряную оправу.

– Это то же, что в медицине, – сказал Тархов, – симптомы видим, а болезнь все-таки не знаем.

– Но в медицине вы по наружным признакам из ста случаев можете отгадать, по крайней мере, пять или десять раз, с какой болезнью вы имеете дело. А тут что ни дело, то новая наука.

Тархов задумался.

– Скажите, – спросил он меня, – говорил ли вам что-нибудь Бобров о приключении с его бритвой?

– Говорил, да я, признаться, не обратил на это никакого внимания. Бобров – чудака. Ему хочется уверить всех и каждого, что существует будто бы какая-то связь между убийством Руслановой и тем, что его человеку захотелось побриться бритвой хозяина. Я, по крайней мере, ничего другого не вижу в этом двухдневном исчезновении его бритвы.

– Нет, дело с бобровской бритвой не так просто, как вам кажется... Я видел бритву. На ней запекшаяся кровь с приставшими волосами. Я советую вам обратить на нее внимание, Бобров сохраняет ее тщательно – завернул в бумагу и запечатал.

Разговор наш был внезапно прерван сильным звонком. Вошел слуга и подал мне телеграмму.

Я прочел следующую депешу от петербургской сыскной полиции: «Варшавский купеческий сын Хаим Аарон задержан сего числа в С.-Петербурге с четырьмя бриллиантами. При обыске, произведенном в его квартире, найдены еще двадцать пять камней, принадлежащих покойной Руслановой. Хаим Аарон и отобранные у него бриллианты вместе с дознанием по этому делу препровождаются вслед за сим».

– Доктор! – воскликнул я. – Ваше присутствие приносит счастье. Час тому назад я уже был готов просить разрешения о приостановлении бесполезного следствия, полагая, что все меры к раскрытию преступления были мною исчерпаны. Александр Федорович! – обратился я к своему секретарю. – Пошлите сани за Кокориным.

– Ну, я думаю, что буду только мешать вам своим присутствием, – сказал доктор, – до свидания!

Не успели еще его сани выехать из дому, как явился Кокорин. Он вошел быстро, как бы имея передать мне нечто важное.

– Бриллианты найдены, – сказал я ему, – радуйтесь. Никто теперь не обвинит вас в неумении делать розыски. Камни были в Петербурге.

Я показал ему телеграмму.

– Это, конечно, вещь немаловажная! Но у меня тоже есть новость, заслуживающая внимания, – и он положил передо мною маленькую записку, писанную косыми буквами, следующего содержания:

«Елена Владимировна! Если вы тотчас же не откажете Петровскому – вы умрете.

Ваш лютейший враг».

Слова эти были написаны на маленьком клочке почтовой бумаги. Почерк был бойкий, и, по-видимому, преднамеренно измененный.

– Что вы думаете про эту записку? – спросил Кокорин.

– Пока еще ничего! Где вы достали это письмо? На нем нет числа.

– Жена моя недели три тому назад отдала портнихе, что на Волховской улице, платье для переделки. Вчера портниха принесла платье примерять и спросила жену, не ею ли оставлена в кармане платья маленькая записочка. Жена ответила, что нет. Тогда портниха рассказала, что ученицы ее, подновляя платье, нашли записку и полагают, что она выпала из какого-нибудь кармана. Кому портниха ни показывала записку из заказывающих у нее – все сказали, что никаких записок в кармане не имели. Сегодня жена пошла к портнихе заплатить деньги, и та показала ей записку. Когда жена увидела имена Елены Владимировны и Петровского, она бросилась опрометью домой. Не застав меня дома, она пришла в полицейское управление и меня вызвала. Я отправился к портнихе и потребовал записку. Вот эта записка. Что вы о ней думаете?

– Я думаю, что это вещь или очень серьезная, или пустая. Может быть, записка имеет отношение к делу, а может быть также, что это просто институтская выходка какой-нибудь из барышень. Если эта записка предназначалась Руслановой, то в основании убийства лежала ревность, а не грабеж, и в таком случае как объяснить похищение бриллиантов? Во всяком случае, приведите скорей портниху сюда.

В руках моих была, может быть, новая нить к раскрытию преступления, но как узнать, кто писал записку?

Портниху привезли в слезах. Она клялась и божилась, что ничего не знает, ничего объяснить не может и никогда ни в каких судах и полициях не бывала.

– Успокойтесь, пожалуйста, – говорил я ей, – вас никто еще ни в чем не обвиняет и ни в чем не подозревает. Мне нужно только вас допросить. Кто вы, как ваше имя, где вы живете и чем занимаетесь?

Портниха сказала, что ее зовут Прасковьей Ивановной Мазуриной, что она живет в доме Ефремова на Волховской улице и работает вместе с сестрами.

– Мы шьем на весь город, – говорила она. – Платья, которые вы видите на балах, почти все из нашего магазина.

– Как попала к вам эта записка?

– Я сама не знаю, должно быть, она выпала из кармана одного из платьев.

– Давно ли вы ее нашли?

– С месяц тому назад, а может быть, немного более. Одна из учениц наших принесла ее ко мне из рабочей комнаты и сказала, что нашла на полу.

– Отчего вы до сих пор никому не заявили об этой записке?

– Я спрашивала у всех дам, которые приезжали ко мне, не забыли ли они в кармане записки. Все говорили, что нет. Вчера я спросила о том же у г-жи Кокориной, она пожелала, чтобы я ей показала записку, я и показала. Если бы я могла думать, что мне придется идти к следствию из-за этой записки, то, конечно, давно бы уже сожгла ее.

– Почему же вы не представили этой записки раньше ко мне или в полицию?

– Да зачем же мне было ее представлять вам?

– Из записки вы должны были знать, что она адресована Елене Владимировне, бывшей невесте Петровского; вы видели, что записка эта угрожает смертью, и вы спрашиваете, зачем вам было представлять записку. Неужели вы будете утверждать, что ничего не слышали об убийстве Руслановой?

– Я записки не читала. Она была сложена конвертом, и прочесть ее, не раскрывая, нельзя было. Я вовсе не желаю выведывать секреты моих заказчиц; я показывала записку, не развертывая, и никто ее не читал. Сегодня в первый раз прочла ее г-жа Кокорина.

Признаюсь, что такое отсутствие любопытства в хозяйке модного магазина мне показалось весьма сомнительным.

– Скоро ли нашлась записка после убийства Руслановой? – снова спросил я портниху.

– Дня через два после бала ко мне привезли много платьев, так что вся квартира моя была ими завалена. Тогда же, вероятно, нашлась и записка.

– Вы и прежде шили на Елену Владимировну Русланову?

– Как же, шила.

– Не могла ли эта записка выпасть из кармана ее платья?

– Нет, потому что уже за месяц до ее смерти я не получала от нее никакой работы.

– Чьи же именно у вас были платья?

– Да я вам могу назвать около двадцати фамилий.

– Назовите, пожалуйста.

– После бала ко мне прислали бальные платья для исправления Комаровы, Ивановы, Боброва, Андриевская, Тетюшевы, Хмельницкие... – и портниха назвала действительно около 20 фамилий.

– Вы ничего не скрыли, а показали все по сущей справедливости?

– Я никогда не лгу.

– И можете подтвердить свои слова под присягой?

Портниха расплакалась.

– Почему же вы мне не верите без присяги?

– В таком серьезном деле, как решение участи виновного, – объяснил я ей, – суд одинаково от всех требует присяги. Обижаться вам здесь нечем. Напротив, вам скорее можно бы было обидеться, если бы вас как свидетельницу отвели от присяги. Тогда бы это означало, что есть опасение в возможности с вашей стороны клятвopеступления. Потрудитесь теперь подписать протокол и, если угодно, можете удалиться. Должен вам сказать, очень сожалею, что вы не прочли ранее этой записки.

– Я никогда чужих писем не читаю и читать не буду, – сказала портниха, удаляясь.

– Как хотите, – обратился я к Кокорину, – а как-то плохо верится, чтобы в модном магазине было так мало любопытных! Шьют бальные платья; о чем бы, кажется, им и беседу вести, как не о том, кто за кем ухаживает, кто к кому посватался и кто на ком женится. А тут из кармана бального платья выпадает записка – да ведь это может быть развязка целого романа...

Нет, я не верю, чтобы портниха могла удержаться и не прочитать записки, выпавшей из бального платья.

На следующий день я пригласил к себе экспертов каллиграфии и тех лиц, имена которых называла г-жа Мазурина. Эксперты заявили, что записка написана почерком настолько измененным, что трудно определить даже, кто ее писал – женщина или мужчина.

Дамы, приславшие к Мазуриной свои платья для переделки, подтвердили вполне слова последней. Она действительно показывала им записку, сложенную конвертом. Они ее не читали, не признавая свою.

Кому же, наконец, принадлежала записка? Кто ее забыл в своем кармане? Забыта она была в бальном платье, следовательно, не хотел ли кто ее подкинуть в спальню Руслановой во время бала?

Я начинал придавать особенную важность этой записке, хотя одно оставалось необъясненным: каким образом была она так небрежно забыта в кармане?

Через три дня я получил дознание петербургской полиции о диадеме. Полиция сообщила всем ювелирам о краже диадемы и обязала их, в случае, если бы кто принес бриллианты для продажи, немедленно известить об этом. Вместе с тем наблюдали и за ссудными кассами. Долго полицейские розыски не имели успеха. Тогда, чтобы вызвать продавцов, по распоряжению полиции в «С.-Петербургских полицейских ведомостях» было помещено объявление, что «такой-то желает купить несколько бриллиантов и просит продавца обратиться прямо к нему, в П-кую улицу, дом № 18, кв. № 4». Через несколько дней к покупщику, который был не кто иной, как полицейский сыщик, явился еврей, который принес четыре бриллианта для образчика, предлагая, в случае надобности, доставить еще несколько подобных камней. Пока они улаживались в цене и разбирали качество товара, явились городовые. Еврей был задержан. В квартире его при обыске нашли еще двадцать пять таких же камней. Ювелир Фаберже, за которым послали, сейчас же признал их проданными из его магазина и сказал, что они были проданы им в числе тридцати шести камней некоему Петровскому, что и доказал по своим книгам. Только он объявил, что продал их вделанными в серебряную диадему. Еврей назвался варшавским купеческим сыном Хаимом Аароном, держателем ссудной кассы в Москве, где, по его словам, осталась оправа, из которой он вынул бриллианты. На вопрос, откуда он их приобрел, он ответил, что они были проданы незнакомым ему лицом за незначительную сумму. Кто было это лицо – он не знал.

Вот все, что значилось в дознании.

Прошло два дня. Я сидел у себя в комнате, когда услышал стук ружейными прикладами о пол в моей приемной.

Я растворил дверь и увидел двух конвойных. Между ними стоял высокий, плотный и видный мужчина восточного типа. Это был Аарон.

V

Раненая рука

Не прошло пяти минут, как арестант стоял уже перед моим письменным столом для допроса.

– Кто вы такой и как вас зовут?

– Я варшавский купеческий сын Хаим Файвелович Аарон, – ответил он бойко.

– Где, когда и кем вы арестованы?

– Меня взяли в Петербурге в квартире господина, которому я предлагал купить четыре бриллианта. Вот уже семь дней, как я содержусь под стражей; арестовали меня какие-то полицейские чиновники.

– За что вас арестовали?

– Этого объяснить не могу. Мне сказали, что бриллианты, которые я продавал, будто бы краденые; повели меня в гостиницу «Рига», где я останавливался, и вынули из моего чемодана еще 25 бриллиантов, мне принадлежащих.

– Где ваше постоянное место жительства? Чем занимаетесь?

– Я живу постоянно в Москве, на Варварке, в доме Быкова, где уже седьмой год содержу контору для ссуды денег под залог. Там же живет и все мое семейство, которое до сих пор не знает, что со мною случилось и куда я пропал. До прибытия моего в Москву я торговал в Варшаве, в рядах, разным товаром. До Варшавы я торговал за границей.

– Сколько у вас было всего таких бриллиантов?

– Всех камней у меня было тридцать пять.

– У вас отобрали сначала четыре, потом двадцать пять. Где же остальные? Недостаёт шести штук.

– Остальные проданы мною в Москве ювелирам и частным лицам.

– По какой цене вы их продали?

– По 800 и по 750 рублей за штуку.

– Вы можете указать кому?

– Это значится в моих конторских книгах. Полиция, если действительно эти бриллианты у кого-либо украдены, лучше бы сделала, если бы напечатала предостережение, чтобы их не покупали, нежели подставлять западню невинным людям.

– Расскажите, каким образом вы приобрели бриллианты и от кого? Предостережение полиции, о котором вы говорите, прежде всего остановило бы похитителей, и бриллианты не были бы теперь налицо.

– 22-го ноября нынешнего года, – начал Аарон, – в контору мою пришел молодой человек, который предложил мне купить у него диадему с бриллиантами. Я попросил эту вещь посмотреть. Он предложил мне тогда ехать с ним вместе в гостиницу «Мир», где, по его словам, находилась драгоценная вещь.

– Кто был этот человек?

– Не знаю.

– Опишите его наружность.

– Не помню. Знаю только, что это был человек молодой, высокий ростом, красивый, с маленькой бородкой.

– Только вы о нем и знаете? Продолжайте ваш рассказ.

– У меня были лишние деньги; я не хотел упустить выгодную покупку, а потому тотчас отправился с этим молодым человеком. Придя в гостиницу, он привел меня к дверям 15-го номера, вынул ключ из кармана, отомкнул дверь, и мы вошли. Он запер за собой двери. Потом достал из дорожной шкатулки диадему и показал мне. Мы скоро сторговались, я решился купить диадему.

– За сколько?

На этот вопрос Аарон ответил неохотно.

– Да как вам сказать – за сколько! В диадеме не доставало одного камня, куда же эта вещь годилась? Где же было подыскать точно такой же камень? Дорого дать я не мог!

– Однако за сколько же вы купили диадему?

– За триста рублей.

– Каждый камень?

– Нет, всю диадему.

– И тогда же отдали деньги?

– Нет. Молодой человек сказал мне, что он подумает...

– Сколько он просил у вас за диадему?

– Он ничего не просил, а хотел только, чтобы я объявил свою цену. Он сказал мне, что если, подумав, согласится продать диадему, то на следующий день или сам завезет ее ко мне, или пришлет со своим знакомым. На другой день явился ко мне рассыльный с диадемой. Я осмотрел и испытал все камни, не подменены ли они: оказалось, что они настоящие. Рассыльный получил с меня деньги и ушел.

– И вам не показалось странным, что рассыльному могла быть доверена такая вещь и что диадема продается за ничто?

– Что же тут странного, дело коммерческое. Я думал, что продавец прокутился или проигрался и, не будучи в состоянии немедленно достать нужные ему деньги, решил дешево продать бриллианты.

– Встречали ли вы потом этого молодого человека?

– Нет. Дня через два после уплаты денег рассыльный вернулся ко мне и спросил меня, не знаю ли я фамилии того лица, которое продало мне бриллианты. Я сказал, что не знаю. Рассыльный мне сказал, что, вернувшись в гостиницу «Мир», он в ней не застал уже того человека, который его ко мне присылал. Затем он ушел, и я более о них обоих ничего не слышал и нигде их не встречал.

– Номер рассыльного?

– Не помню. Но он мне дал расписку в получении денег. Расписка эта хранится в моей конторе. В ней, вероятно, значится и номер его бляхи.

– Где оправа диадемы?

– У меня в конторе.

– Зачем вы ездили в Петербург?

– Затем, чтобы продать ювелирам бриллианты, так как в Москве я не мог их сбыть выгодно и успел продать всего четыре камня.

– Показывали ли вы кому-нибудь диадему?

– Нет. Камни я вынул из оправы, полагая, что их легче продать поодиночке. В начале настоящего месяца, видя, что более покупателей не находится, я поехал в Петербург – предложить бриллианты ювелирам. Остановился я в гостинице «Рига», в самый день моего приезда, просматривая «Полицейские ведомости», прочитал объявление «о покупке бриллиантов» и отправился по адресу. Остальное вы знаете. Теперь прошу вас меня отпустить, так как от долговременного содержания под арестом дела мои могут расстроиться. Если бриллианты действительно краденые, я в этом нисколько не виноват и отвечать за это не могу.

– Погодите, вы несколько торопитесь. 20-го октября нынешнего года в здешнем городе убита девица Елена Владимировна Русланова; убийца сорвал с ее головы диадему; диадема эта оказывается у вас, и вы хотите, чтобы вас отпустили, не подвергнув даже допросу?

– Да чем я во всем этом виноват? Я в мою жизнь даже и во сне никого не убивал, не только наяву!

– Докажите, что слова ваши справедливы.

– Вы имеете более средств отыскать человека, продавшего мне диадему, нежели я, и от него вы можете узнать всю истину.

– Определите, по крайней мере точнее, приметы лица, продавшего вам бриллианты.

– Не могу: я его только раз видел.

– Ваше показание, во всяком случае, маловероятно. Вам продают за триста рублей тридцать пять камней, из которых за каждый вы получаете от 750 до 800 рублей! И вам не показалось подозрительным, что вам отдают даром целое состояние?

– Молодой человек, предложивший мне диадему, говорил мне, что он в сильной нужде, я этим воспользовался.

– Рассыльный вернулся к вам от продавца, сказав, что его не нашел. Вы и в этом не нашли ничего странного? Отчего вы не заявили об этом в полицию?

– Это не мое дело. Я не украл, я купил.

– Но вы должны же были знать, что так дешево можно купить только краденую вещь?

– Почему же? Дело коммерческое...

– Вы читали газеты, в которых подробно было описано убийство и похищение диадемы, и вы, имея диадему в руках, не сообразили, что эта диадема добыта убийством и продана вам самим убийцей! В газетах было даже означено число бриллиантов! Русланов во всех газетах публиковал, что он даст огромное вознаграждение тому, кто найдет диадему... Все это вы читали и после настаиваете на том, что диадема перешла к вам в руки правильной покупкой?

– Что же значат, помилуйте, газетные известия? Газеты часто передают вести о событиях вовсе небывалых.

– Перестаньте, пожалуйста. Можно ли в свое оправдание приводить такие доводы? Если вы действительно купили эту диадему при таких обстоятельствах, вы покупали ее, зная, что она краденая. Если вы сразу этого не сообразили – вы непременно должны были прийти к этой мысли вследствие газетных известий.

– Помилуйте! Найдите только молодого человека, продавшего диадему, он сам подтвердит мои слова.

– Я думаю, вы сами менее всех ожидаете, чтобы он подтвердил это действительно. Но, во всяком случае, скажите же мне, по крайней мере, такие приметы, по которым этот молодой человек может быть опознан.

– Я сказал все, что знаю.

– Молодой человек пришел к вам пешком или приехал?

– Он приходил пешком.

– Как он был одет?

– В синем суконном пальто, обшитом лисьим мехом; шапка на нем была белая барашковая.

– Номер, в котором он останавливался в гостинице, был небольшой?

– Нет, дорогой. Видя по номеру, что он был не беден, я не имел повода подозревать, что бриллианты не принадлежат ему.

– Но он вам говорил, что в нужде?

– Да, говорил, но он мог прокутиться и временно быть в нужде.

– Не говорил ли он вам, откуда приехал?

– Я не спрашивал.

– Полагаете вы, что это был москвич или нет?

– Наверное, нет, во-первых, потому, что он жил в гостинице, во-вторых, потому, что, идя со мной из моей конторы пешком в гостиницу, он не знал дороги, поворачивал в те улицы, в которые не следовало, и я должен был ему указывать дорогу.

– В здешнем городе вы сами никогда прежде не бывали?

– Не бывал.

– Больше ничего не имеете дополнить к вашему показанию?

– Ничего не имею.

– Прошу вас выйти в другую комнату, пока я составлю протокол допроса.

Аарон вышел, сопровождаемый конвойными.

Я еще не спросил у Аарона, не имел ли молодой человек, продавший ему бриллианты, какого-нибудь признака пораненности.

Прямой вопрос мог дать ему средства построить целую систему защиты во вред исследованию дела, подробности которого, во всяком случае, ему были известны из газетных известий. Неосторожные вопросы нередко затемняли дела, гораздо менее сложные.

Но так как сам Аарон ничего не говорил о такой примете, которая должна была броситься в глаза, я заключил одно из двух: или весь его рассказ был вымышленный, или предположе-

ние Кокорина было ошибочно. Когда были готовы протокол допроса и постановление о взятии Аарона под стражу, я снова приказал ввести его и попытался навести на рассказ об этой примете.

– Скажите, – спросил я его, – если бы я вам сейчас показал того, кто продал диадему, по каким приметам узнали бы вы его, когда так мало запомнили его личность?

– Я, вероятно, узнал бы черты лица; я мог бы узнать его по платью.

– Но продажа вам диадемы совершилась давно; платье может быть переменено. Неужели же у вас в памяти не сохранилось никакого характерного признака того лица, с которым вы совершали такую подозрительную сделку?

Аарон потирал себе лоб, как бы стараясь что-то припомнить.

– Высокий, красивый мужчина, – проговорил он, – лет двадцати пяти... синее пальто... баранья шапка... больше ничего не могу припомнить.

– Не был ли он ранен? – спросил я его неожиданно.

– Нет.

– Подпишите протокол.

Он прочел и подписал.

Я ему объявил постановление о заключении его в тюрьму.

– За что же меня в тюрьму? – жалобно говорил Аарон. – Где же справедливость? Я буду жаловаться.

– Закон обязывает начальников мест заключения предоставлять арестантам все необходимые средства для написания жалобы. Смотритель тюремного замка вам даст бумагу, перо и чернила. Жалобу напишите в окружной суд. Ее из тюрьмы препроводят ко мне, а я с моим объяснением в тот же день представлю в суд. Но предупреждаю вас, что ваша жалоба, в смысле освобождения из-под ареста, не будет уважена. Что вы не убийца – я в этом почти не сомневаюсь. Но из двух предположений одно должно быть верным: или вы укрываете убийцу и делитесь с ним барышами от продажи бриллиантов, или вы, не зная убийцы, приобрели вещь, заведомо добытую путем преступления.

Затем я приказал отвести Аарона в тюремный замок. Я остался убежденным после допроса, что все показания еврея ложны.

Но едва успел арестованный выйти из моей комнаты, как я услышал спор в приемной. Аарон требовал, чтобы его пустили ко мне; конвойные сопротивлялись.

Я приказал их вернуть.

Лицо Аарона выражало какое-то необыкновенное оживление.

– Что вы хотите? – спросил я.

– В замешательстве на допросе я забыл... я вспомнил теперь особенность, которую заметил у молодого человека, продавшего мне бриллианты: он был левша...

– Почему вы так думаете?

– Номер свой он отпер левой рукой! Ящик, из которого он вынул бриллианты, он отпирал левой рукой! Прощаясь, он подал мне левую руку и даже сказал, что с молодости привык все делать левой рукой.

– А правую его руку вы видели?

– Нет, не видал. Он держал ее за пазухой.

– Больше ничего?

– Ничего!

– Ступайте!

Они ушли.

– Кокорин прав, – подумал я, – и еврей также, может быть, говорит правду, что купил бриллианты у этого молодого человека; но только тот не левша, а правая рука его была ранена.

VI Ичалов

На другой день остальные двадцать девять камней были у меня в руках. Я получил их по почте. Аарон признал их за те самые, которые были у него отобраны. Русланов, которого я пригласил к себе, тоже признал их за бриллианты своей дочери. Он хотел немедленно получить их от меня, желая скорее иметь в своих руках камни, которые украшали голову его дочери в последнюю минуту ее жизни, но я принужден был отказать ему. Следствие еще не было окончено; отдать их Русланову было неудобно, потому что они могли у него затеряться. Он немедленно написал в Петербург, предлагая выдать тому полицейскому агенту, который задержал Аарона, обещанное им награждение. Но предложение его, конечно, не было принято.

Кокорин, узнав о подробностях показания Аарона, был в восхищении.

– Ну, – сказал я ему, – в наших руках теперь бриллианты и клочок одежды убийцы; кроме того, мы имеем уверенность, что негодяй ранен; но убийцу мы все-таки еще не знаем. Теперь наступила ваша очередь действовать. Негодяй, остановившийся в гостинице «Мир», слишком, по-видимому, хитер и осторожен, чтобы оставить после себя следы в этой гостинице. Я предвижу, что только по клочку одежды он и может быть разыскан...

– Я тоже так думаю и принял уже все надлежащие меры. Относительно записки все поиски мои до сих пор остаются тщетными. Сами Руслановы не могут понять, что может значить эта записка. Если она имеет существенную важность в этом деле, то ей должен был предшествовать роман. Но ни о каком романе я ничего не мог узнать. Кажется, ничего подобного и не было.

– Не торопитесь ничего утверждать. Ищите – и обрящете.

Я расстался с Кокориным, выслушав еще раз уверения, что рано или поздно он непременно отыщет платье, клочок от которого находится у нас в руках.

Между тем я сообщил петербургскому следователю о снятии формальных допросов с прислуги гостиницы «Рига» и с полицейских чинов, арестовавших Аарона. В Москву я написал просьбу об обыске конторы Аарона и о допросе лиц, которым он продал пять бриллиантов, а также и прислугу гостиницы «Мир».

Через неделю я получил производства следователей. Оказалось, что Аарон прибыл в Петербург действительно из Москвы, так как он был привезен с Николаевской железной дороги в дилижансе гостиницы. Из Москвы мне прислали серебряную оправу диадемы и конторские книги Аарона, в которых действительно значились имена покупателей камней. Шесть бриллиантов, проданных Аароном, были отобраны у покупателей, и, таким образом, вся диадема была налицо. Прислуга гостиницы «Мир» подтвердила, что действительно в № 15 останавливался молодой человек, но ненадолго, всего на двое суток. Откуда он приехал и куда уехал – никто не знал. Он действительно носил синее пальто и баранью шапку. Швейцар утверждал, что в самый день своего приезда он уходил куда-то на несколько часов и воротился в гостиницу с каким-то евреем. На другой день к нему приходил рассыльный, вышедший от него с небольшим узелком. Вслед за рассыльным выехал и занимавший № 15. Рассыльный возвратился, но ему ответили, что номер пуст. На вопрос следователя, почему от проезжего не потребовали паспорта, управляющий гостиницей ответил, что тот обещал принести, но затем скоро выехал. С проезжим был небольшой чемодан. Кроме того, московская полиция уведомила меня, что отставной рядовой, служащий в артели рассыльных, представил в управу благочиния триста рублей, которые, по его словам, он получил из ссудной кассы Аарона для передачи квартиранту № 15 гостиницы «Мир». Что именно он носил в ссудную кассу, он объяснить не мог, так как узла не развязывал, а еврей рассматривал его в другой комнате. Номер бляхи его был 61.

Мне пришлось препроводить Аарона в Москву для предъявления его рассылному и прислуге гостиницы. Скоро его прислали обратно. Протоколы допросов свидетелей приводили к убеждению, что все показания его были справедливы.

Тем не менее дело мало подвигалось вперед; диадема была налицо; еврей, преступным образом приобретший ее, был под стражей. Недоставало похитителя диадемы, а следовательно, убийцы. По оставшимся в саду следам можно было проследить его только от окна дома Русланова до забора. Затем следствием было обнаружено, что убийца ездил в Москву, где и сбыв бриллианты, – ясно, только для того, чтобы от них отвязаться. Боялся ли он преследования вследствие огласки, которую получило дело? Или бриллианты и вырученные за них деньги ему были вовсе не нужны? В первом случае – зачем ему было продавать диадему и подвергать себя опасности. Он мог ее бросить в реку или зарыть в землю. Во втором случае – на похищение бриллиантов нельзя было смотреть как на предлог к убийству. Какую роль при убийстве могла играть записка, найденная у портнихи Мазуриной? Была ли она написана убийцей или кем-то другим? Вот вопросы, на которые я должен был искать удовлетворительного ответа и без разрешения которых не мог дать делу дальнейшего движения. Аарон как скупщик краденых бриллиантов теперь же мог быть предан суду. В его квартире были найдены номера газет, в которых находилось подробное описание всего руслановского дела. Эти места в газетах были очерчены красным карандашом, по всей вероятности, им самим, хотя он от этого отпирался.

– Ну, – сказал я однажды Кокорину, – не будь ловких сыщиков в Петербурге, мы бы с вами до сих пор все еще только осматривали сад Русланова...

– Что же прикажете делать? – отвечал Кокорин. – Я не виноват, что убийца успел скрыться. Его надо искать теперь в Москве или в Петербурге. Вы сами видите, насколько он осторожен. Если бы то платье, от которого мы имеем лоскут, было здесь, я нашел бы его непременно.

– Справлялись ли вы у здешних портных, не шили ли они кому-нибудь платья из такого же сукна, как лоскут?

– Как не справляться! Справлялся. Они все отвечали, что сукно это нынче модное, что они шили из этого сукна более сотни визиток и пиджаков известным и неизвестным им лицам. Наконец, почему же платье было сшито непременно здесь, а не в другом городе?

– Убийца, должно быть, здешний житель. Иначе как бы ему знать все ходы и выходы в доме Русланова?

– Здесь множество проезжающих, которые живут у нас подолгу. Помещики беспрестанно то приезжают сюда, то отсюда уезжают. У нас нет ни адресного стола, ни домовых книг, как в Петербурге, в которых прописывается каждое лицо, появляющееся в городе. Нам известны только те, которые останавливаются в гостиницах, а их считают каждый день сотнями, и за ними невозможно следить по всем концам России. Мне кажется, – прибавил Кокорин, – что в московской гостинице «Мир» можно бы было собрать гораздо более точные сведения относительно молодого человека, продавшего бриллианты. Не верится мне, чтобы в Москве можно было пробыть двое суток, оставшись никому неизвестным. Признаюсь вам, что я бы дал что-нибудь за то, чтобы заняться этим делом на берегу Москвы-реки...

– Что же, по вашему мнению, в Москве недостает полицейских сыщиков? В этом, кажется, там нет недостатка.

– Так и не так, – сказал Кокорин, – сыщики там, конечно, есть, но они так рассуждают: бриллианты, мол, нашли, чего же вам больше? И вот они даже и в газетах прокричали о неусыпной деятельности московской полиции. Нет, подайте нам убийцу. Я его как теперь вижу, по описанию Аарона. Я как будто живу с ним на Тверской улице. Так бы вот, кажется, и схватил его, да триста верст – не рукой подать!

– Так поезжайте в Москву.

– Я об этом давно уже просил полицеймейстера, но он не отпускает, говорит: здесь нужен. Похлопочите-ка, чтобы меняпустили.

Я обещал, и действительно через несколько дней по приказанию начальника губернии Кокорин был командирован в Москву.

Ожидая результатов действий Кокорина в Москве, я отложил дело, не считая нужным торопиться отсылкою его к прокурору для написания обвинительного акта против Аарона.

Однажды вечером я пошел в клуб, где в тот день были танцы. Меня обступили знакомые с расспросами о руслановском деле.

– Что же, так-таки ничего и не нашли?

– Неужели такое вопиющее дело может быть оставлено без всяких последствий?

– Ну, полиция!

– Хороши следователи! – и прочее, и прочее.

Мне оставалось только отмалчиваться и приводить известные отговорки.

– Что это сделалось с Бобровой? – сказал подошедший ко мне доктор Тархов. – Я, право, боюсь за нее и сегодня объявил ее матери, что для дочери необходимо рассеяние и развлечение. Это необыкновенно нервная девушка. Смерть ее подруги Руслановой произвела на нее такое впечатление и так сильно потрясла нервную систему, что она до сих пор не может оправиться. Взгляните на нее, как она переменялась.

– А что, об убийце нет никаких известий? – спросил подошедший к нам молодой человек.

– Ичалов! Откуда вы взялись? – спросил его Тархов. – Вы беспрерывно исчезаете и вновь появляетесь на нашем горизонте.

– Был в деревне, хозяйничал...

– Никандр Петрович! Никандр Петрович! – крикнул кто-то из залы. Ичалов ушел. Его подозвала Боброва.

Освободившись от расспросов любопытных, я едва только уселся за карты, как мне подали телеграмму:

«Завтра примерим лоскут сукна к пиджаку. Кокорин».

Я оставил карты и уехал домой.

На другой день я поехал встречать Кокорина на станцию. Он прибыл с почтовым поездом.

– Ну что, говорите скорее, в чем дело? – спросил я его.

– В моем чемодане опечатанный пиджак, найденный мною на коридорном гостиницы «Мир». Коридорный сознался, что его подарил ему бывший постоялец № 15.

– А убийца?

– Я считаю, что он теперь в моих руках. Так и знайте, что пиджак равен молодому человеку в синем пальто. В Москве его ищет полиция, здесь я сам буду его разыскивать. Я сейчас же объеду здешних портных, чтобы узнать, не у них ли шито платье. Буду у вас часа через два или три. – Кокорин скрылся.

«Еще одно вещественное доказательство, – подумал я, – но только приведет ли оно нас к чему-нибудь?»

Не прошло и получаса с тех пор, как я вернулся домой, как ко мне вошли Кокорин и с ним портной Фишер. У первого был в руках сверток, у второго – бухгалтерская книга.

Кокорин не без самодовольства развернул передо мной сверток и положил пиджак на стол. К нему как раз подходил лоскут, найденный в расщепе лестницы.

– Что, вы узнаете это платье? – спросил я Фишера.

– Как не узнать свою работу! – сказал портной. – Вот, извольте поглядеть, на шестьдесят шестой странице мерка записана – длина и ширина.

Он вынул из кармана холщовый аршин и смерил пиджак. Мерка оказалась тождественной с записью.

– Кому вышили этот пиджак?

– Никандру Петровичу Ичалову.

Я записал показание и, оставив у себя книгу, отпустил Фишера. Мы остались вдвоем с Кокориным.

– На этот раз, Иван Васильевич, вы уже не попрекнете меня, что розыски мои остаются бесплодными, – начал мне рассказывать Кокорин. – Прибыв в Москву, я под разными предложениями стал ходить в гостиницу «Мир»: то чай пил, то играл на бильярде, то слушал орган. Никому, конечно, и в голову не приходило видеть во мне полицейского чиновника. Но как ни пытался я навести прислугу на разговор о молодом человеке – дело не шло на лад. Я познакомился с управляющим гостиницей и под предлогом, что в той комнате, в которой я остановился, нехорошо и грязно, попросил показать мне другие номера. Номер 15-й оказался свободным. Большая и красивая комната – я ее занял. Думаю, буду жить здесь хоть год, но выведу, что мне нужно. Спросил себе чаю, и коридорный принес поднос с прибором. Смотрю – на нем коричневый пиджак! Цвет нашего лоскутка до такой степени запечатлелся в моей памяти, что я уже не мог ошибиться. «Который час?» – спросил я у коридорного. Он расстегнул пиджак и достал часы. Я впился глазами в полы его пиджака и вижу, что на нижнем углу заплатка другого оттенка. Не дожидаясь ответа на мой вопрос, я сказал ему: «Что же это, братец, у тебя подкладка-то шелковая, а пиджак с заплатой?» Слова мои, по-видимому, привели коридорного в смущение. Посмотрев на часы и ответив мне: «Второго половина», – он направился к дверям. Мне пришло в голову, что вопрос мой о пиджаке мог смутить его, потому что он, верно, умалчивал о нем при допросах, производившихся в гостинице по поводу квартиранта № 15. Я его опередил и, загородив дорогу, сказал: «Скажи мне, голубчик, откуда у тебя этот пиджак?» – «А вам какое дело? – ответил он грубо. – Пустите меня идти». – «Нет, постой, сними сначала пиджак!» – «Зачем же я буду снимать пиджак?» – Он рванулся в двери, я позвал прислугу и потребовал, чтобы послали за частным приставом, никто, однако же, не трогался с места. Я объявил им тогда свое звание и сказал, что если сейчас же полиция не будет извещена о моем требовании, все служащие в гостинице будут подлежать ответу. Через несколько минут явился полицейский офицер и с ним полицейские служители. Я объявил им, в чем дело. Пиджак сняли с коридорного и приложили к нему печать, а коридорного допросили и составили протокол.

– Что сказал коридорный на ваш вопрос, откуда у него пиджак?

– Все, что он мне отвечал, записано в протоколе, который я вам передал.

Я взглянул в протокол. В нем было сказано, что, по словам трактирного слуги Топоркова, пиджак был подарен ему белокурым молодым человеком, носившим синее пальто, тем самым, который останавливался в № 15 гостиницы «Мир». «У меня нет мелочи, – сказал ему, уезжая, квартирант, – а вот тебе за твои услуги старое платье». Пиджак был новый, но у правой полы недоставало треугольного куска. Лакей исправил этот недостаток заплатой собственного рукоделия. Застегивая левый борт на правый, он делал заплату незаметной.

– Потрудитесь же, – сказал я Кокорину, – передать Ичалову повестку о привлечении его к следствию, я отправлюсь произвести у него обыск.

VII Обыск

Я выехал из дома, захватив гипсовый снимок со следов и взяв с собой четырех понятых и городского.

Скоро мы остановились у подъезда деревянного дома против дворянского клуба. Мы позвонили, слуга отворил дверь.

– Дома Никандр Петрович? – спросил я.

Слуга оглядел подозрительно мою компанию и, держа за ручку входную дверь, отвечал:

– Нет-с, его нет дома! Батюшка их у себя.

– Все равно, пустите нас войти и доложите господину Ичалову, что судебный следователь имеет надобность его видеть.

Слуга отправился докладывать, а мы вошли в залу. Через минуту к нам вышел престарелый отец подозреваемого.

– Что вам угодно? – спросил он.

– Здесь живет сын ваш, Никандр Петрович? Не так ли? – спросил я.

– Точно так. Сам я деревенский житель и приехал сюда дня на два. Но что значит ваше посещение?

– Где ваш сын?

– Где мой сын? Не знаю, где-нибудь в гостях. Но что вам, наконец, нужно? С вами понятия...

– Ваш сын подозревается в уголовном преступлении. Я должен произвести обыск у него в квартире, и если его нет дома;– я попрошу вас присутствовать при обыске вместо него.

– Что такое? Мой сын подозревается в уголовном преступлении? Кем же это он подозревается?

– Судебной властью.

– Да кем именно?

– Мною, судебным следователем. Прошу допустить меня к исполнению моей обязанности.

– Милостивый государь! Вы оскорбляете честь моего сына. В роду Ичаловых не бывало преступников. Вы мне ответите за ваши дерзкие и нелепые подозрения. Объявляю вам, что я вас до обыска не допущу! Эй, люди!

– Господин Ичалов, ваши усилия напрасны! Вы не в силах воспрепятствовать мне произвести обыск и можете только подвергнуть себя суду за сопротивление.

– Это насилие! Это бесчинство! – кричал взволнованный старик.

– Это исполнение требований закона.

Старик несколько успокоился.

– Я не противник закона, – сказал он, – но пустого подозрения не довольно для того, чтобы полиция могла врывать в мой дом и бесчестить мое имя.

– К несчастью, подозрения мои довольно основательны, и судебное исследование никого бесчестить не может.

– Хорошо, – сказал он, – исполняйте, чего требуют ваши обязанности, но вы будете мне отвечать, если ваши подозрения окажутся нелепостью.

Я пожал плечами. Старик удалился.

Мы вошли в спальню его сына. Обстановка комнаты свидетельствовала, что в ней живет холостой молодой человек. Постель с утра была не убрана. По полу валялись окурки. Платье и белье было раскидано по диванам и стульям. На столе стоял стакан с недопитым чаем. Все показывало, что хозяин не приучал себя к особенному порядку. Ни в шкафах, ни в комодах, ни в шкатулках я не нашел ничего, что могло бы служить для дела. Вещи выкладывали, вновь укладывали и замыкали. Возле спальни был небольшой кабинет, изящно меблированный. В нем, по-видимому, ночевал отец Ичалова. Тут стояло бюро, ключа от которого я найти не мог. Долото сделало свое дело. В ящике я нашел много писем, но, просмотрев их, пришел к заключению, что они дела не касаются, хотя непреложно свидетельствуют, что хозяин их – большой поклонник женских прелестей. На стене над письменным столом висел фотографический портрет Анны Дмитриевны Бобровой. «Ну, – подумал я, – на недостаток побед Ичалов пожаловаться не может».

Обшарив все комнаты, мы не нашли ничего, что могло бы иметь какое-либо отношение к делу. Я считал дальнейший обыск бесполезным и приискивал уже в голове своей приличную

фразу, чтобы оправдать пред стариком Ичаловым напрасно причиненное беспокойство, как в одном из коридоров натолкнулся на большой шкаф с платьем.

Я велел вынимать платья. Старый слуга Ичалова, Григорий, не без ворчанья исполнял мое требование. «Барина платье понадобилось, – ворчал он, – извольте, сударь, извольте, платья у барина довольно». С этими словами он вынул из шкафа панталоны и жилет коричневого цвета.

– Где же пара к этим панталонам? – спросил я у Григория.

– Какая пара?

– Сюртук или визитка.

– А кто его знает! – ответил Григорий. – Разве барин не волен в своем добре? Может, подарили, а может, где и забыли!

– Да был сюртук к этим панталонам?

– Пиджак был совсем еще новый, видно Никандр Петрович забыли его в деревне.

Я велел отложить в сторону жилет и панталоны коричневого цвета.

– Покажите мне сапоги вашего барина.

– Какие прикажете? У нас их много.

– Покажите все.

Лакей принес несколько пар сапог.

– Больше нет?

– Есть еще пара, да та совсем никуда не годится. Оно не то чтобы сапоги были старые, да промокли больно и потрескались.

– Где они?

Он их принес.

То были бальные лаковые сапоги, потрескавшиеся, по-видимому, действительно от сырости. Сапоги эти как раз приходились к гипсовым слепкам со следов.

Я собрал все ножи и бритвы, которые мог найти в доме. Затем велел сложить на стол панталоны, жилетку, сапоги и ножи, все это опечаталось, и составил протокол обыска, который подписали присутствовавшие. Григорий, видя, что рассыльный мой укладывает собранные вещи в свою суму, спросил меня:

– Как же, сударь? Вещи эти извольте взять с собой?

– Да.

– Воля ваша-с, а я без барина не могу барское добро из рук выпустить.

– Вы и сами отправитесь вместе со мной. Мне нужно вас допросить. В канцелярии вы получите расписку, что эти вещи у вас отобраны.

– Да без спросу мне нельзя идти! Барин будет гневаться.

– Вы своего барина увидите у меня и там все объясните ему.

Вернувшись к себе, я не застал у себя дома ни Кокорина, ни Ичалова. Я велел ввести Григория и сказал ему:

– Предваряю вас, что на суде перед крестом и Евангелием вы должны будете подтвердить все то, что мне теперь покажете! Поэтому отвечайте на мои вопросы только истинную правду.

– Для чего же, сударь, я буду говорить неправду? Все что знаю – о том извольте спрашивать, а чего не знаю, не погневайтесь – сказать о том не могу.

– Как вас зовут?

– Григорий Дементьевич Качалин. Из крепостных Петра Кирилловича Ичалова. Сороковой год служу им. И как в крепостное время, так и теперь, ничего худого за мною не было. Чист перед Богом и своим господином.

– Дело вовсе не в вас. Давно ли ваш барин здесь в городе?

– Молодой-то?

– Да, Никандр Петрович.

- Четвертого дня приехали. А допрежде, почитай, все в городе жили. Иногда в деревне...
- Откуда он приехал?
- Из деревни.
- Из какого уезда?
- Из здешнего, из села Яковлева. Ездили к батюшке и вместе с ним изволили приехать.
- Когда он уехал в деревню?
- Да как вам доложить? Месяца два с лишним.
- Зачем он ездил?
- Зачем – сказать не умею, на то была их барская воля. Встали утром, велели уложить в чемодан две смены белья, сюртук, да еще кое-какие вещи. Велели погрузить все на извозчика и уехали, даже чаю не кушавши.
- Да разве на извозчиках ездят в деревню?
- Должно быть, поехали на почтовую станцию, там взяли лошадей и поехали.
- Пока барин был в деревне, никаких вестей о нем не было?
- Никаких-с.
- Извозчик какой возил?
- Калачом зовут. Имени его не знаю.
- Какой его номер?
- Не могу знать! Прикажете спросить Калача – его все знают.
- Точно ли вам известно, что Никандр Петрович ездил в деревню?
- Опрichь деревни куда же им было ездить?
- Не был ли он в Москве?
- Извольте их самих спросить об этом. Вернулись они вместе с своим батюшкой из деревни.
- Не болела ли рука у Никандра Петровича в тот день, как он уехал отсюда?
- Не заметил. В то утро я их не одевал.
- Сам одевался?
- Сами. Как приехали ночью, часу эдак в первом или во втором, так, видно с усталости, сбросили пиджак и легли спать, не раздеваясь. Утром, когда я вошел в комнату, они уже были одеты.
- Барин ваш левша?
- Никак нет-с!
- Где был ваш барин накануне того дня, как он уехал?
- Да все дома сидели-с. Целый день были дома и на вечер к Русланову не поехали. Только часу в одиннадцатом они уходили.
- Куда?
- Не знаю.
- В чем был одет Никандр Петрович, когда он уходил вечером?
- А вот в том самом коричневом пиджаке, от которого штаны и жилетку вы отобрать изволили.
- Брал ли он с собой что-нибудь? Например, ножик или бритву?
- Не могу знать.
- Кто шил пиджак?
- А вот, что на Волховской улице портной Фишер. Он всегда на барина работает.
- Был ли пиджак разорван?
- Как можно-с! Чтобы Никандр Петрович разорванное платье надели...
- Посмотрите хорошенько: не похож ли пиджак, лежащий перед вами на стуле, на пиджак вашего барина?

Слуга взглянул на пиджак и сказал:

– Он самый и есть. Только вот заплатки не было.
– Есть ли у вашего барина синее пальто?
– Есть! Обшито лисьим мехом.
– А белая баранья шапка?
– Тоже. Все это есть, как же-с!
– Где эти вещи?
– Должно быть барин их в деревне оставили, так как они надели их на себя, уезжая отсюда, и назад не привезли.

Григорий подписал свое показание и попросил дать ему расписку в том, что брюки и сапоги были взяты вопреки его воле.

Дав ему расписку и отпустив, я послал разыскивать извозчика, возившего Ичалова на другой день после бала Русланова. Рассыльный привел его часа через полтора.

– Вас прозывают Калачом?
– Меня.
– А как ваше имя?
– Евстафий Терентьев, по прозвищу Калач.
– Знаете ли вы Никандра Петровича Ичалова?
– Знаю. Я стою на бирже против их дома, и опричь меня Никандр Петрович ни на ком не ездит.

– Когда в последний раз вы ездили с господином Ичаловым?
– Да давно уже не ездили, месяца два, почитай, будет.
– А не припомните ли, куда вы его возили в последний раз?
– На чугунку.
– На какую чугунку?
– На московскую станцию, значит.
– Он уехал один?
– Один.
– Что же, он уезжал тогда из города или ездил только на станцию провожать кого-либо из знакомых?

– Уехали из города. При мне билет до Москвы брали. Мелочи, значит, у них не было, так и велели они: иди, говорят, к кассе, там разменяют.

– В чем был он одет?
– Не заметил: была только на них белая баранья шапка!
– А кто вносил его чемодан?
– Да я, значит, и чемодан внес. Так, махонький был. А там на станции у меня его приняла прислуга.

Я отпустил извозчика.

Ичалова все еще не было. Я опасался, чтобы, узнав об обыске, он как-нибудь не скрылся. Впрочем, я успокаивался тем, что за ним отправился сам Кокорин. Между тем я послал за Ароном, портным Фишером и доктором Тарховым. Когда они прибыли, я поместил их в соседней комнате. Часов в пять поспешно вошел ко мне в комнату прокурор.

– Правда ли, – спросил он меня, – что вы распорядились привлечь к следствию Ичалова и сделали уже у него обыск?

– Правда. Но каким образом это могло дойти до вас так скоро?
– Отец его вбежал ко мне, как сумасшедший, в то самое время, как я сидел за обедом. Он жаловался на какие-то насилия и притеснения. Расскажите, в чем дело?

Я подал ему следственные документы.

Прокурор пересмотрел их внимательно.

– Да, кажется, тут не может быть сомнения. Он виновен. Но все-таки нельзя этому не удивляться. За Ичаловым нельзя было бы и подозревать подобного преступления; это молодой человек вполне добропорядочный, везде был хорошо принят и всеми был очень любим. Я буду присутствовать при допросе, – продолжал прокурор. – Отец его, выслушав от меня, что ему следует жаловаться через вас в окружный суд, поехал к прокурору судебной палаты. Нет сомнения, что он сам ничего не подозревает об этом деле. Сюрприз будет для него неприятный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.